

многонациональном городе. Цель проекта – популяризация национальных культур через русский язык, пропаганда русского языка и содействие мигрантам в его изучении. В рамках этого проекта была создана выставка «Всех нас связующий язык...», рассказывающая о национальных писателях и переводчиках, благодаря которым национальные литературы становятся доступными нам. В этом году мы проводим конкурс творческих работ – сочинений на тему русского языка как языка межкультурной коммуникации среди школьников, студентов, всех желающих. Мы организуем занятия по русскому языку для мигрантов. Наш постоянный партнер – кафедра межкультурной коммуникации РГПУ им. А. И. Герцена, где был создан первый в РФ русский букварь

для детей-инофонов, для которых русский язык не является родным.

У нас также проходят занятия по национальным языкам и культуре.

В содружестве с национально-культурными объединениями Петербурга наша библиотека участвует и в общегородских мероприятиях. Несколько лет к Международному дню толерантности МЦБС им. М. Ю. Лермонтова организует цикл мероприятий в библиотеке и на площадках города, готовит передвижные баннерные выставки, посвященные культуре и литературе разных народов: например, «Всех нас связующий язык...», «Магия национальной сказки», которые затем демонстрируются в школах, библиотеках, других учреждениях города. Ежегодно МЦБС им. М. Ю. Лермонтова участвует в

мероприятиях на Международной книжной ярмарке в Ленэкспо. Совместно с НКО Петербурга мы неоднократно проводили публичные чтения стихов на национальных языках, а в 2011 году провели презентацию Карты-путеводителя «Многонациональный Петербург».

Библиотека национальных литератур всегда рада новым читателям, новым идеям, предложениям, совместным проектам. Будем друзьями!

Все наши новости, афиши, новинки книг представлены на сайте МЦБС им. Лермонтова <http://www.lplib.ru/bnl/>.

Наш адрес: м. «Сенная пл.»,

Гороховая ул., 41

(вход во дворе, слева,

Библиотека им. А. С. Грибоедова, тел./факс: 310-05-64).

Свидетели социализма (по материалам воспоминаний жителей Кировского района Ленинградской области)

В.А. Бунакова

Все дальше от нас уходит в прошлое первая половина XX века, остается все меньше в живых тех, кто жил и трудился в то время. Тем ценнее становятся для потомков воспоминания о повседневной жизни очевидцев 30–40-х годов прошлого столетия.

Предлагаемый читателям материал основан на воспоминаниях жителей Кировского района Ленинградской области, района, непосредственно примыкающего к Санкт-Петербургу. Эта территория в 1927–1941 годах административно относилась к Мгинскому району, после войны входила в Тосненский район, а в 1977 году был образован Кировский район.

В годы первых пятилеток продукция областной промышленности стала намного разнообразнее, чем в дореволюционное время. Ведущее место в экономике занимала добыча местных видов

топлива, в первую очередь – торфа. В решении 4-й объединенной областной и городской Ленинградской конференции ВКП(б), проходившей в январе 1932 года, особо подчеркивалась задача «всемерного расширения и углубления топливной и энергетической базы ленинградской промышленности, своевременного пуска всех строящихся электростанций, широчайшего использования местных топливных ресурсов (торф, уголь, сланец, шунгит)».

Добыча торфа возрастала с каждым годом. В 1924 году она составляла 100 тысяч тонн, в 1929 году – 430 тысяч, в 1939 году – 3,9 млн тонн. Усиленно разрабатывались торфяные месторождения на Ириновских, Синявинских и Назиевских болотах. Последние два месторождения находились на территории Мгинского (ныне – Кировского) района области.

Торфоразработки стали не только местом экономической борьбы за социализм, но и плацдармом для формирования «нового советского человека», а также «перековки» «попутчиков» и «социально далеких элементов». Предполагалось, что высокая цель строительства социализма должна была изменить мировосприятие людей, ставших добровольно или принудительно строителями новой жизни. Однако условия труда и быта были чрезвычайно тяжелы, особенно для тех, кто должен был «перековываться». Об этом можно судить по сохранившимся воспоминаниям жителей Кировского района, находившимся в 1930-е годы на Синявинских и Назиевских торфоразработках.

Отдел трудовых переселений Управления НКВД по Ленинградской области (ОТП УНКВД ЛО) начал формирование кадров для торфоразработок в 1930 году. На

Железнодорожная школа в пос. Мга. 1947 г. Фото из музея школы

Синявинских торфоразработках находилось 6374 спецпереселенца. Среди них были и бывший зажиточный хуторянин И. П. Шевелев с семьей, поселенные на Медвеьем острове Синявинских болот в спецпоселке № 8. Сохранились воспоминания его сына – Анатолия Ивановича Шевелева, записанные в 1992 году.

Спецпоселок находился на песчаном острове площадью около двух кв. км и насчитывал примерно 60 зданий, включая бараки для жилья, дома для администрации и административно-служебные здания (комендатуру, пожарное депо, филиалы обувной и швейной артелей, магазин, столовую, Дом культуры, два здания школы, детский сад, поликлинику, больницу, баню, сушилку – «вошебойку», две «кипятки»). Все спецпереселенцы, проживавшие в области, размещались во временных помещениях.

«По технологическим условиям добычи гидроторфа, – вспоминал Анатолий Иванович, – везде стирались ровные, как стол, так называемые поля разлива, перерезанные осушительными канавами. Все другие поселки торфопредприятия прижимались к лесу, а наш был специальным, поэтому от бывшего леса остались 2–3 березы, одна из которых росла возле комендатуры. Вокруг поселка не было никакой растительности, и мы, ребяташки, очень скучали по лесу». Вспоминая, какие мысли посещали тогда его, мальчишку, он писал, что однажды взбежал на горюшку в Синявине,

глянул с высоты на торфоразработки и подумал: «И в этой черной яме обречены жить? За какие грехи?» Гиблые места наводили тоску одним своим видом. Мать А. И. Шевелева, дочь священника, работала парикмахером, «раскулаченный» отец – «на торфе», на формовочной машине по 12 часов в сутки.

Ограничений у спецпереселенцев было немало. Выезжать за пределы торфопредприятия можно было только с разрешения коменданта поселка. Единственная тропа вела к поезду «Синявино – Ленинград», на ней выставлялись специальные «заставы». Нарушители режима строго наказывались. В магазинах были спецотделы для сезонных вольнонаемных рабочих с разнообразным ассортиментом продуктов и промышленных товаров (за сезон их

Железнодорожная школа в пос. Мга. 1930 г.

приезжало из центральных районов России в район Синявино до шести тысяч человек), однако члены семей спецпереселенцев не имели право покупать там продукты.

Центром духовной жизни был местный Дом культуры, который посещали все жители поселков. Там показывали кинофильмы, работала библиотека, кружки художественной самодеятельности, фотокружок. Дети учились в неполной средней школе, в которой одна из учительниц называла детей спецпереселенцев «кулацким отродьем». Результатом подобного отношения части населения к спецпереселенцам было стремление последних во что бы то ни стало вырваться из этих мест. Формирование преданных власти людей явно затягивалось самими условиями существования спецпереселенцев. Как насильственное, так и добровольное формирование «нового человека» шло, по существу, в одних и тех же производственных и бытовых условиях, с той только разницей, что вольнонаемные могли поменять «среду обитания», в то время как путь строительства социализма в болотах для спецпереселенцев был предопределен.

Учительница Н. У. Титова, работавшая в Назиевской школе с 1931 года, в своих воспоминаниях писала о том, как тяжело было детям из соседних деревень совершать ежедневные переходы в школу по 6–10 км. Однако хуже всего было детям рабочих, жившим в бараках-общежитиях на первой линии Назиевстроя. Внутри барака во всю длину помещения располагалась, по сути, одна комната. Посреди нее – проход, а по стенам стояли топчаны, у самого входа находилась одна большая плита, на которой женщины готовили ужин (обедали все в общественной столовой). В таких бараках постоянно стояли гул и крики. Жилищные условия самих учителей были ненамного лучше: отдельные комнаты имели только семейные учителя. Молодежь жила в комнатах по два-три человека. «Однако, – вспоминала Н. У. Титова, – несмотря на трудные условия, настроение учителей и учеников было хорошим, работали и учились, как тогда говорили, «с огоньком». Школа была центром воспитания детей. Директор школы П. Р. Швердалкин не допускал

никаких поблажек, не ущемляя в то же время достоинства и интересов детей, приучая их к ответственности за свои поступки. Так, когда сын одной из учительниц разбил гипсовый бюст в рабочем клубе, директор устроил его работать на стадион, чтобы он мог заработать нужную сумму и уплатить штраф, хотя мать предлагала свои деньги.

Ощущения молодежи относительно их будущего и важности происходящего отражены в воспоминаниях жительницы Кировского района Н. С. Степановой. Когда началось строительство Назийского горфопредприятия (1928–1929 гг.), ей было 14 лет. Отец погиб в годы Гражданской войны, мать одна воспитывала пятерых детей, поэтому юная Надя пошла работать «на изысканиях», где визировали, прорубали просеки для канав и узкоколейки. Она вспоминала: «Бывало, по грудь находились в воде. А мастер говорил, что “пройдет пять лет – и никто уже не вспомнит, как тут было. Когда по этим местам пойдут поезда, то пассажиры будут только спешить занять лучшее место в вагоне. Хорошая будет жизнь!”»

Вера в лучшее счастливое будущее помогала переносить тяготы повседневной жизни. Государ-

ственная пропаганда формировала у работавших людей чувство хозяина своей страны. Значительная часть молодежи ощущала, что это их власть, поскольку она давала молодежи возможность массового образования, повышения своего социального статуса. И хотя мироощущение жертв репрессий было существенно иным, часть из них под влиянием большевистской идеологии, реальных успехов в экономике, социальной сфере и культуре начала разделять позитивные эмоции населения по поводу реальных и мнимых успехов советской власти.

В годы Великой Отечественной войны Ленинградская область пострадала очень сильно. На территории Мгинского района находились немецкие войска (взятием Шлисельбурга 8 сентября 1941 года замкнулось кольцо блокады), здесь осуществлялся прорыв блокады, а затем и ее полное снятие (Мга была освобождена 21 января 1944 года). После окончания войны население области стало восстанавливать разрушенные врагом города, поселки, села и деревни. То был невероятно тяжелый и зачастую опасный труд.

Очень важно было наладить электроснабжение Ленинграда и области, поэтому стали быстро вос-

становиваться ГЭС и Дубровская ГРЭС им. С. М. Кирова. Первыми к стенам электростанции на Неве пришли саперы. От миноискателей им пришлось отказаться, поскольку в наушниках стоял непрерывный писк от мин, которыми была напичкана вся земля. В поселке при ГРЭС ходили лишь по узким протоптанным дорожкам, так как вокруг все было заминировано. Житель г. Кировска И. Соколов, тогдашний монтажник одного из цехов станции, вспоминал: «Горько было смотреть на гордость нашей энергетики. Поселка Невдубстрой (давнего начало нынешнему городу Кировску. – В. Б.) не существовало. Пустыми глазами окон смотрели только шесть коробок теплобетонных домов. Довоенный Парк культуры с вековыми деревьями был уничтожен».

Жительница еще довоенного Невдубстроя А. Ф. Малиновская в своих воспоминаниях отмечала, что очень трудно было вести восстановительные работы не только потому, что «кругом были одни только камни и земля <...> станция вся висела на арматуре», но и бытовые условия были очень тяжелыми. «Жили мы в землянках и юртах из трех листов фанеры, куда помещались только

Педагогический коллектив Мгинской железнодорожной школы. 1940 г.

две кровати. Затем стали возводить временное жилье – стандартные деревянные бараки».

6 марта 1946 года возрожденная неимоверными усилиями ГРЭС дала Ленинграду первый ток, а в декабре 1950 года, после установки современной техники, станция вышла на довоенную мощность.

В 1949 году показатели промышленности Ленинградской области достигли довоенного уровня и даже начали его превышать. В Назии шла добыча торфа и велась торфоразработка. В одном из осенних номеров 1949 года местной газеты «За торф» была напечатана передовая статья, в которой говорилось: «Гидроторфисты успешно на 24 дня раньше срока выполнили сезонный план добычи. Это большая победа, ее завоевали в упорном труде люди».

Действительно, производственные планы выполнялись на 120–200%, люди работали, не жалея сил. Однако бытовые условия в поселке были плохими, рабочие жили в бараках, на весь поселок была одна небольшая баня, в Назии была одна поликлиника и больница. Больных же было очень много, в сезон на торфопредприятии работало до 25 тысяч человек. Врачи вспоминали, что санитарных машин больница тогда не имела, да и дороги в рабочие поселки были непроходимыми. Тяжелобольных на носилках на большие расстояния носили санитары.

Работавшая на торфоразработках в поселке Синявино Н. И. Яковлева вспоминала, что всю одежду для работы выдавали на производстве: мужчинам полагались брюки, рубашки, фуфайки, брезентовые плащи, на ноги – чуни (веревочные лапти) и брезентовые сапоги; женщинам – брезентовые плащи, платья, женские брюки, фуфайки, чуни и туфли. Е. И. Киселева в своих воспоминаниях указывает, что «электричество в Синявино было и в землянках, и в бараках, и во всех жилых помещениях уже в 1946 году. А вот газет не было, только – радио, тарелка громкоговорителя висела на столбе». Однако народ не унывал, он умел не только работать, но и веселиться: работали клуб и библиотека, «крутили» кинофильмы, устраивались концерты художественной самодеятельности. Все воспоминания объединяет утверждение того, что люди в тех почти нечеловеческих

Карта Ленинградской области.
Фрагмент. 1932 г.

условиях жили верой в лучшее будущее.

Одним из трех самых крупных железнодорожных узлов области была Мга, куда сразу по окончании военных действий направили большую группу железнодорожников. Среди них был и Н. Д. Аверкин, бывший фронтовик, позднее – почетный житель Мги. С 1947 по 1957 год он работал инструктором паровозных бригад. В своих воспоминаниях он особо обращал внимание на то, что в разрушенной Мге самой тяжелой была жилищная проблема. Жители ютились в землянках и вагончиках, с 1946 года «по репарации» из Финляндии стали привозить «финские домики» – сборные деревянные щиты с утеплителем. Однако в целом это не решало острой жилищной проблемы.

Немалый интерес представляют его сведения о работе железнодорожников и о самой дороге: «Работавшие на железной дороге имели льготы: два раза в году они могли ездить бесплатно: один раз – проехать по Октябрьской железной дороге, второй – по любой другой в СССР. Дисциплина на дороге была почти военная, по поездкам можно было проверять часы. Допускалось лишь трехминутное опоздание, за пятиминутное опоздание бригада «вызывалась на ковер». Пригородные поезда ходили точно по графику, в выходные дни пускали дополнительные составы. Зарплату давали всегда вовремя. А переработки оплачивались дополнительно».

В селах и деревнях постепенно отстраивались жилые дома и хозяйственные постройки. Государство помогало колхозникам материально, инвентарем, денежными средствами. Уже к концу 1946 года в области было восстановлено 1167 колхозов. Однако крестьянская жизнь оставалась очень трудной. Уроженец дер. Соллогубовка Мгинского района П. А. Фомичев вспоминал: «Жили очень бедно. Наша семья купила козу, вот этим молоком и питалась вся семья. Еще вязали мережки, ставили сети на речке Мга, на мелководье ходили ловить рыбу вилкой. Подростки работали наравне со взрослыми, косили сено, пахали на лошадях. Была в колхозе машина – единственный ГАЗ – АА, военного образца».

Почти все жители деревни были староверами, дети воспитывались в строгости, старших слушали и подчинялись беспрекословно. Курить запрещалось, выпивали только по большим праздникам. Деревня славилась своими столярами и плотниками, подростки и уцелевшие на войне мужики ходили от одного пепелища к другому, поднимали всем миром деревню из руин».

Особенно тяжелыми были послевоенные пять лет. Завотделом колхозного строительства Мгинского района А. А. Романов (участник Великой Отечественной войны, почетный житель Мги) писал в своих воспоминаниях, что вставать ему приходилось почти каждый день в 4 часа утра для поездок по колхозам: «Колхозы были мелкие, бедные, рабочих рук не хватало. Недоставало корма для скота, он в буквальном смысле слова падал с ног; коров подвешивали на балки, так как они не могли стоять». После напряженного рабочего дня возвращался он домой в 11–12 часов ночи. Когда к 1950 году началось укрупнение колхозов, дела пошли на лад.

Уроженка района А. Ф. Метсо вспоминала, что когда после эвакуации она в августе 1944 года возвращалась поездом в родные места, то после станции Войбокало все вокруг путей было разбито, некоторых станций не было вовсе, вместо них стояли будки с надписями. Во Мге она трудилась в депо, где помимо гражданских работников ротные солдаты из штрафников (тех, кто попал в окружение во время войны). Рабо-

та была очень тяжелой: разгружали вагоны с цементом, грузили бревна. Зимой 1945 года их отправили на погрузку вагонов в лес, где 10 человек должны были загрузить 10 вагонов, то есть на каждого полагалась норма – один вагон леса. «Снегу – по пояс, еды было очень мало, в основном ели мороженую рябину». С 1946 года вместе с отцом начали строить для себя дом. Она отмечала, что «жилося поначалу очень тяжело, не было необходимых предметов домашнего обихода, одежды. Все необходимое собирали в немецких землянках, бункерах, траншеях. В воинской части (где она стала работать с 1947 года. – В. Б.) давали карточки на еду и валенки. С 1948 года жить стало легче – с фронта пришел муж, отменили карточки, несколько раз снижали цены». Она сама стала работать на железной дороге, получая по 60–70 рублей в месяц (буханка хлеба тогда стоила три рубля), а потом семья обзавелась коровой, появилась возможность продавать в Ленинграде молоко. Оттуда же привозились свежие новости, поскольку газет они не выписывали, а радио тогда в доме не было, как, впрочем, и у большинства жителей Мги, находившейся всего в 50 км от Ленинграда. Первое время после войны во Мге не было даже здания почты, поэтому всю корреспонденцию почтальоны приносили им на работу.

Восстанавливалась сеть учреждений народного образования, культуры, здравоохранения. Самым тяжелым был, по мнению бывшего директора школы пос. Жихарево Е. О. Петрова (участника Великой Отечественной войны, почетного жителя Мги) 1946 год. Недоставало еды, одежды: «Дети голодали и часто на занятиях падали в голодные обмороки. Ели отруби, но и они были очень дорогими – стакан отрубей порой составлял полови-

ну зарплаты. Послевоенные дети вообще были очень “тяжелыми” – психологически травмированы. Многие из них не имели отцов. Однако тяга к учению была буквально у всех учеников». Учебники школьники получали бесплатно, школа давала и талоны на покупку школьной формы.

Народ нашей страны перенес великие страдания и жил надеждой на лучшую жизнь, мирясь с нехваткой денег, бытовыми неудобствами, тяжелыми условиями труда. В течение 1946–1950 годов трижды прошло снижение цен, в декабре 1947 года в СССР была отменена карточная система на продовольственные и промышленные товары, проведена денежная реформа. Учитель Е. О. Петров, единственный из ныне живущих авторов собранных юными краоведами Кировского района воспоминаний (сегодня ему 92 года), рассказал о том, каким праздником это стало для всего населения: «В магазинах появился большой ассортимент: крупы, сахар, печенье, конфеты, рыба разных сортов, икра и проч.».

Молодежь того времени не только стремилась к знаниям, но и жаждала общественного самоуправления. Немалую роль в восстановительных работах играли комсомольско-молодежные бригады. Желавших вступить в комсомол, вспоминала «комсорг по лесу» А. В. Пескарева, было очень много. Всем хотелось побыстрее восстановить свою страну и создать нормальные условия для жизни не только своей семьи, но и всех вокруг.

Л. М. Брызгалова, первый директор Мгинской детской художественной школы, проживавшая в районном центре с 1939 года, вспоминала, что до войны Мга была очень нарядной и чистой: «Тогда было много деревянных домов с резными украшениями, в палисадниках

выращивалось очень много цветов, особенно георгинов. Очень красивым был деревянный, весь резной железнодорожный вокзал. Все это было уничтожено войной».

Время и война сделали свое дело, пройдясь тяжелым катком по всей территории нынешнего Кировского района. Осталась только память о былых красотах царской резиденции «Пелла» (архитекторы И. Е. Старов, Н. А. Львов), предназначенной прославить эпоху Екатерины II и завершить цепь дворцовых ансамблей на водных просторах от Ораниенбаума на Финском заливе до Пеллы на Неве, о дворянских усадьбах этих мест, живописных деревнях и селах.

Во всех воспоминаниях о 1930–1940-х годах есть важный момент: людей объединяла одна общая большая идея, придававшая их существованию высокий смысл. Это были осуществленные идеи индустриализации, победы в Великой Отечественной войне, скорейшего восстановления послевоенного народного хозяйства. Была и неосуществленная идея построения коммунизма. Но стоящие перед народом цели всегда были высокими, поэтому ради их достижения люди были способны терпеть любые невзгоды.

Сегодня мы должны стремиться сохранить хотя бы память о тех людях, которые в сложнейшее время социалистического эксперимента 30–40-х годов XX века жили и работали на территории многострадальной Ленинградской области, не жалея сил и здоровья, вносили свой вклад в развитие и восстановление этих мест. Эти люди – часть массового, труднопредставимого сегодня единого трудового подвига, совершавшегося нашим народом во имя сохранения страны, на благо Родины, подвига, цена которого чрезвычайно высока.

